

За тысячу перешагнуло количество умственно отсталых детей, прошедших обследование в Московском институте коррекционной подготовки (бывший институт дефектологии детей и подростков). Двадцать процентов из них, каждого пятого, удалось довести до обычной «умственной нормы». Результаты великолепные, еще два десятилетия назад казавшиеся несбыточными. Но истоки этого успеха врачей, психологов, педагогов не здесь. Все начиналось раньше и в других местах.

Интуиция — от информации

Я намеренно употребил термин «умственно отсталые», уже изъятый из медицинского лексикона. Сейчас говорят «Ребенок с задержкой психического развития». Разница между этими двумя понятиями принципиальная. В первом случае полная безнадежность. Как родился неполноценным, так и пойдешь по жизни. Во втором — надежда: задержку можно преодолеть, наверстать упущенное. Недаром вслед за сменой терминов и институт переименовался. А обусловила такую радикальную смену взглядов на эту проблему массивная атака науки на мозг.

«Мозг необъятен, как Вселенная», — сказала в одной из наших давних бесед академик Наталья Петровна Бехтерева, внучка знаменитого врача. А ведь ли кто в мире знает о мозге больше нас. И сравнение со Вселенной — не просто красивая фраза. Чем глубже ученые проникают в тайны серого вещества, тем больше загадок встает перед ними. Логически эта задача неразрешима: познать мозг с помощью самого мозга. И все же исследователи научились так ставить вопросы, что мозг вынужден на них отвечать.

Вся деятельность мозга подчинена одной задаче — выжить. А для этого надо знать все, что тебя окружает. И всю жизнь мозг принимает информацию, анализирует ее, делает выводы. Особенно бурно этот процесс накопления информации идет в первые годы, тогда она особенно необходима мозгу для нормального развития. Наравне с кислородом и питательными веществами, приносимыми кровью. Идет накопление кладовых памяти, которая особенно ценна и остра в это время. Но бывают на первых годах жизни ситуации, когда мозг не получает нужного ему количества информации. Тогда он начинает работать в другом режиме.

Психологический портрет — от кибернетика

Чтобы помочь ребенку наверстать задержку психического развития, надо в первую очередь определить два фактора. — говорит кандидат биологических наук Наталья Рябчикова, старший научный сотрудник кафедры высшей нервной деятельности биофака МГУ. Первое — отчего произошла задержка. Нарушены ли функции мозга, скажем, в результате наследственности, или, может быть, при родовой травме, или просто на работу мозга повлияли внешние условия. И второе — степень задержки. Слабая она, средняя или сильная. В зависимости от этого выбирается и программа наверстывания. А чтобы определить степень задержки, надо составить психологический портрет человека. Причем портрет точный. Никакие субъективные впечатления даже великодушных специалистов здесь не проходят. Такую работу должна проводить бесстрастная, равнодушная машина. Именно поэтому психологи призвали на помощь математику и кибернетику.

Тем не менее все началось с субъективных впечатлений. Еще полвека назад немецкий психолог Люшер заинтересовался, почему художники предпочитают те или иные цвета. Казалось бы, что тут для науки? Ну нравятся художнику одни краски, не трогают душу другие — дело индивидуальное. От этого Люшер и оттолкнулся — от индивидуального. Начал выяснять, какие черты характера сопровождаются тем или иным цветовым пристрастием. Заявляла эта работа более десяти лет, за которые Люшер скрупулезно обследовал одиннадцать тысяч художников — анализировал, сопоставлял, сводил в таблицы. Вряд ли он тогда догадывался, что задает вопросы, на которые заставляет мозг отвечать. Это назвали позднее, когда кибернетика составили на основе данных Люшера компьютерные программы.

Результат этого титанического труда мне продемонстрировала Наталья Рябчикова — усадила меня перед компьютером и запустила программу. На экране появилось восемь цветных полос — от красной до угольно-черной. Каждая под своим номером. Задание было элементарным: выбрать полосу, которая больше нравится. Причем выбирать быстро, не раздумывая, на уровне интуиции. После нажатия соответствующей клавиши эта полоса пропадала и надо было выбирать из оставшихся. И так до тех пор, пока не осталась одна полоса, самая «нелюбимая». Затем вся процедура, или, если хотите, игра повторялась. Полосы были те же, только располагались на других местах и под другими номерами.

А затем компьютер начал выдавать информацию, кто есть я. Совпало все, что я знал о себе и о чем мог интуитивно догадываться. Но было много и такого, о чем я не подозревал, но в глубине души не стал бы опровергать. В том числе и характеристики, наводившие на грустные размышления о несовершенстве человеческой природы. И настолько интимные, что на предложение Натальи Афанасьевны сделать распечатку, я поотрез отказался и попросил тут же

стереть запись из памяти компьютера. Думается, каждому политику или рвущемуся в политику неплохо было бы пройти такой тест. Он получил бы ясное представление о своих возможностях, своих достоинствах и недостатках, открывающих или, наоборот, закрывающих ему дорогу к политической деятельности, увидел бы себя глазами окружающих. Не скажу, что это веселое зрелище, сужу по собственному опыту, но полезное — это уж точно.

Гадание на трех картах

Этот тест, не требующий никаких умственных усилий, дает только психологический портрет человека, — поясняет Наталья Афанасьевна. — Уровень же развития, уровень абстрактно-логического мышления определяют другие тесты, требующие умения прогнозировать события.

Один из них кажется совсем простым. На экране компьютера — колода карт, состоящих из букв «А» и «Б». Последовательность их повторяется через три бук-

вы, скажем, «АББ», «ААБ», «БАА» и так далее, всего шесть вариантов. Испытуемому даются три попытки, чтобы определить эту последовательность.

Разумеется, сходу попасть в яблочко можно далеко не всегда. Но как только компьютер показывает, что ты ошибся, надо тут же предложить второй вариант, третий. И это отнюдь не метод силового тыка. Физики уже доказали, что человек окутан многослойным энергетическим полем, один из компонентов которого воспринимает информацию из окружающего пространства. И чем более развит мозг, тем больше и точнее он воспринимает эту информацию, тем сильнее у него развито вероятностное прогнозирование — способность предугадывать последующие события. Так что и выбор первого варианта, и результаты последующих попыток свидетельствуют об уровне интеллекта, уровне развития.

Мы подвергали этому тесту не только детей с задержкой развития, — говорит Рябчикова, — но и студентов нашего университета. Результаты получились ошеломляющие, некоторые студенты справились с этой задачей гораздо хуже детей. Бывало и так, компьютер показывает, что решение неверно, а человек набирает все тот же вариант, не может быстро сообразить, быстро переключиться. Разные студенты ошибались каждый по-своему, но есть у них одно общее — все они плохо учатся. Но ведь сумели же сдать вступительные экзамены, а вот на большие их не хватает.

Эти результаты более чем красноречивы. Они подтверждают выводы науки о том, что задержка в развитии — не фатальный рок, не пожизненное клеймо на человеке. Это не абсолютное явление и как таковое его можно корректировать — заставить мозг работать в нужном режиме.

Дорога без конца

Подобные тесты, а их немало, позволяют нам выявить полный психологический портрет ребенка, определить степень задержки умственного развития, а значит, и выбрать методику лечения, — продолжает Рябчикова. — О методиках — отдельный разговор. Они постоянно совершенствуются, учитывая накопленный опыт. В основе их — активные контакты с окружающими, взрослыми и детьми, постоянный приток информации, специальные игры. Все, что заставляет мозг усиленно работать. Разумеется, для каждой степени задержки свои методики.

Психологи различают три степени или три типа задержки. Первый тип — слабый. Ребенок лишь чуть отстает от своих сверстников. Такие дети растут в семьях, где родители загружены своими делами и не уделяют отпрыскам достаточного внимания. А на их попытки получить так необходимую детям долю внимания отвечают резким «не лезь», «не приставай», «не мешай». Парадоксально, но первый тип задержки встречается, как правило, в высокоинтеллектуальных семьях. Например, в Зеленограде — спутнике Москвы, где сосредоточено большое количество научных учреждений, школьники в большинстве слабее развиты, чем их московские сверстники. Но и «подтянуть» их до нужного уровня сравнительно легко.

Второй тип — сильная задержка. Это присуще детям от родителей-алкоголиков, детдомовским или вообще заброшенным, неухоженным ребятами. Лишенные родительской ласки, внимания взрослых, они с нежного возраста испытывают психологический стресс. Дело в том, что дети — эгоцентричны. Это необходимо для развития мозга: чувствовать себя в центре окружающего мира, где все делается для тебя. А вот когда этого нет, когда ребенок остается один на один с незнакомой, сложной, пугающей реальностью, по которой его не ведут любящие руки, — не всякий мозг это выдерживает. Может случиться и так, что нарушаются его функции. Таких детей помещают в специальные интернаты, где специалисты-психологи ищут причину — просто ли стресс или роковая наследственность. Первый случай легче: из стресса выводят. Но и второй случай в свете новейших достижений уже не безнадежен.

И, наконец, третий тип, самый трудный — аутичные дети. Мрачные, ни с кем не разговаривающие, не реагирующие на внешнее внимание, с неподвижным лицом и остановившимся взглядом, они испокон веку считались безнадежно полумумными. Казалось, их отделяет от мира глухая стена. И невозможно подсчитать, сколько сил затратили исследователи, чтобы проникнуть за эту стену, разгадать этот феномен мозга. А когда проникли, когда разгадали, получили настолько ошеломляющий результат, что в него просто трудно поверить. Оказалось, что один из решающих факторов мрака, в который погружено сознание, — безудержная материнская любовь.

Детская психика чрезвычайно ранима. Не стоило бы повторять эту расхожую истину, если бы в ней не крылось зерно явления. Кто-то один раз обидел или что-то испугало ребенка — чрезмерно восприимчивого, чрезмерно нервного, эмоционального, и он бежит к матери — зашити. Но вместо того чтобы успокоить несмышляющую, объяснить ему, обосновать ли его страхи, затешивать обиду, мать еще добавляет стресса: «Не бойся, мой маленький, мама тебя не даст в обиду, мама защитит от злых людей...» — и готово. Щелкает в мозгу какой-то переключатель, и перестраивается он в особый режим — отторжения от всего мира. Везде кругом — злые люди, которые обязательно обидят. Значит, ни к кому не подходить, не разговаривать, не играть. Одна защита — маме. И это закрепляется на всю жизнь.

Мы вытравиваем и таких детей, хотя это чрезвычайно трудно, — говорит Наталья Рябчикова. — И тогда обнаруживается уникальное явление, они всегда умницы. Их интеллект значительно выше средней нормы. Из них получаются великодушные ученые, чаще всего почему-то математики. Не знаем пока, в чем тут дело, какая-то особенность мозга. Только такой мозг с богатейшими потенциальными возможностями может сначала пагубно замкнуться в себе, окружив себя пеленой страха перед всем миром, а когда мы помогаем преодолеть страх, распахнуться в мир, в уникально короткие сроки нагоняя упущенное.

Альберт ВАЛЕНТИНОВ.

УМСТВЕННЫЕ ТЕСТЫ

Почему одни дети легко усваивают школьные знания, а другим они даются с большим трудом? Над этим вопросом задумались российские психологи. После многолетних научных исследований было выяснено: плохая успеваемость в школе зачастую связана с неспособностью ребенка «действовать в уме». Иными словами, с неспособностью зримо представлять себе какую-либо ситуацию и производить мысленные действия. А это одна из важнейших составляющих интеллек-

та. Как же определить степень развития этой способности у ребенка? Главный научный сотрудник Института психологии РАН Яков Пономарев предлагает для этого следующий тест.

Ребенку младшего школьного возраста показывают нарисованный на листе бумаги квадрат, разделенный на 9 одинаковых клеток. В каждой из них стоит буква с цифрой: а1, а2, а3, б1, б2, б3, с1, с2, с3. Задача: попасть кратчайшим путем из одной клетки в другую, причем «прыгать» можно

лишь через две клетки на третьем в любом направлении, не считая той клетки, на которой стоишь. И при этом через среднюю клетку «прыгать» нельзя.

Все это надо делать в уме. Дав ребенку запомнить расположение клеток, чертёж убирают и предлагают первое задание: попасть с клетки а1 на клетку с1. При этом ребенок должен проговаривать, каким путем он идет к нужной клетке.

Второе задание: попасть в уме с клетки а1 на б1, а1 на

а2, с2 на с3. Третье задание: попасть с клетки а1 на с3 и с1 на а3.

По мнению ученого, школьник с оптимально развитым интеллектом может справиться с первым заданием в 8-летнем, со вторым — в 9-летнем и с третьим заданием — в 10-летнем возрасте.

Если ваш ребенок не справляется с этими заданиями, не спешите его винить. Ученые считают, что в большинстве случаев здесь виноваты педагоги, не сумевшие развить его воображение. И разработали специальные учебные программы, с помощью которых можно «доразвить» интеллект ребенка.

ЭКСТРА-ПРЕСС.